

М. В. УСТРАТОВА

*(Псковский государственный университет,
Псков, Россия)*

ORCID ID: 0000-0002-7464-9174

УДК 821.161.1-32(Пушкин А. С.)

DOI 10.26170/ufv20-04-03

ЖАНР ПРОЗАИЧЕСКОГО ОТРЫВКА А. С. ПУШКИНА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Аннотация. Интерес к творческому наследию А. С. Пушкина определяется философской глубиной затрагиваемых писателем проблем, уникальностью поэтического языка, а также тем фактом, что творчество А. С. Пушкина оказало воздействие на становление русской литературы. В числе произведений, отразивших специфику художественного мышления А. С. Пушкина, находится жанр прозаического отрывка 1820–1830-х гг.

Вопрос завершённости/незавершённости прозаических отрывков изучен недостаточно и остаётся дискуссионным. Предметом настоящей статьи стало рассмотрение литературоведческой рецепции прозаических отрывков А. С. Пушкина. Проблема незавершённости отрывков в пушкиноведении получает противоречивое толкование по причине отсутствия единого взгляда на степень реализации того или иного замысла (начало, фрагмент текста, готовое сочинение).

Одни исследователи на основании отсутствия в отрывке финального элемента композиции делают вывод о незаконченности работы. Они видят в отрывках «опыты», иллюстрирующие процесс творческих исканий А. С. Пушкина-прозаика. В данном случае литературоведческие исследования сводятся к выяснению причин, заставивших А. С. Пушкина прерывать написание начатых произведений. Текст мог быть отложен, например, в связи с возникновением более приоритетного замысла или в связи со сменой авторского мировоззрения.

Другая часть исследователей считает, что отрывок сознательно незавершён, и его можно рассмотреть в качестве формы специфического пушкинского письма, в которой, с одной стороны, нашло отражение мировоззрение писателя, с другой – отразились художественные принципы. Композиционная «недописанность» – это авторская установка, основывающаяся на специфическом представлении о неисчерпаемости бесконечно текущей жизни, в которой отсутствуют категории начала и конца. В связи с чем литературоведы изучают творческую концепцию А. С. Пушкина, выявляя художественную ценность отрывка.

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; незавершенность отрывков; прозаические отрывки; пушкиноведение; литературоведческая рецепция; художественное мышление.

Неослабевающий интерес к творческому наследию А. С. Пушкина определяется философской глубиной затрагиваемых писателем проблем, уникальностью поэтического языка, особенностями художественного мышления, а также тем фактом, что творчество Пушкина оказало влияние на становление русской литературы. В числе произведений, заложивших тенденции литературного развития, ставших генератором её сюжетов, образов героев, тем находятся незавершённые прозаические пушкинские отрывки 1820–1830-х гг.

Исследователи неоднократно обращались к незавершённым сочинениям А. С. Пушкина, и сегодня прозаические отрывки изучаются в культурологическом и историко-литературном аспектах (как этапы становления прозы, как творческие опыты). При этом отдельные незавершённые произведения, как правило, привлекаются учёными в качестве примеров, в контексте рассмотрения того или иного теоретического вопроса. Если новаторские гипотезы и выдвигаются (например, о пушкинской манере отрывочного письма, о фрагментарном стиле мышления), то не получают детальной разработки, а только намечают перспективы изучения.

Тенденция фрагментарного типа мышления заявляет о себе в конце XVIII века, когда такие свойства, как отрывочность, недосказанность становятся для художественной литературы определяющими. Комплекс культурных, мировоззренческих и эстетических факторов, в числе которых критика рационального метода познания, стремление к свободе творческого выражения, отвержение идеи неизменного жанрового образца, ощущение непрерывности бытия, предполагающего, что нет ничего застывшего и завершённого, определил необходимость поисков новых способов выражения авторского сознания и отражения в литературе постоянно трансформирующегося бытия. Так возник жанр фрагмента, ассоциирующийся с творческой практикой романтиков, для которых отрывочность представлялась практически определяющим качеством литературы. Открытость изложения определена тем, что фрагмент непосредственно отражает ход авторского философствования, подчеркивая беспредельность мысли и позна-

ния. Диалогичность предполагает бесчисленную череду истолкований и отвергает возможность однозначного понимания.

Незавершённые формы активно развивались, в результате чего возникали их модификации, объединяющие литературные традиции с творческим своеобразием автора. Иными словами, фрагментарное произведение, имеющее признаки неполноты, выступает специфическим способом познания текущей действительности, в котором писатели делают акцент на принципиальной незавершённости мира.

Многообразие форм, которые отличает внешняя незавершённость, приводит к необходимости решения вопроса о их специфике. Так, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» в статье «Фрагмент» – «(лат. fragmentum – обломок, кусок) – это произведение, имеющее признаки неполноты или незавершённости» – выделено несколько групп незаконченных художественных произведений, в зависимости от характера отрывочности: «К фрагменту относятся: 1) произведения, сохранившиеся частично <...>; 2) произведения, не завершённые авторами <...>; 3) произведения, изначально задуманные авторами как фрагмент» [Махов 2003: 1152].

К первой группе Е. А. Махов предлагает отнести тексты, например, древней и средневековой литературы. Степень их сохранности разная, в некоторых случаях до нас дошли объёмные фрагменты, в некоторых – лишь обрывки фраз. Во вторую группу включены произведения, не законченные по различным обстоятельствам, например, таким, как внезапная смерть автора или изменение художественного замысла. Многие из таких фрагментов, несмотря на отсутствие концовки, популярны у читателя. Незавершённость третьей группы является сознательной авторской установкой.

Характерным обобщением теоретического материала о фрагментарности художественного текста можно считать работу специалиста в области теории и истории литературы М. Н. Дарвина: «<...> понятие фрагмента включает в себя, по крайней мере, два значения: 1) *отрывок литературного произведения* (часть текста), не дошедшего до нас целиком; 2) специфическая *жанровая форма* творчества, характеризующаяся,

с одной стороны, внешней “незаконченностью”, с другой – качеством художественной целостности и внутренней завершенности» [Дарвин 2012: 446].

Первым положением, предполагающим специфику бытования фрагмента как частицы текста, учёный объединил два значения понятия «фрагмент», представленные в «Литературной энциклопедии терминов и понятий»: это древние, дошедшие до нас обрывки стихотворных строк, эссе, писем и т. д., а также части художественных произведений, случайно оставшихся без продолжения. Формулировка второго положения позиционирует фрагмент как самостоятельную жанровую форму, «композиционный принцип которой предполагает пунктирное, прерывистое движение сюжета и недосказанность» [Кормилов 2001: 1152].

Чёткое разделение двух художественных форм вызывает споры. Например, жанровые особенности отрывков Н. М. Карамзина привлекают внимание исследователей в связи с вопросом о том, в каких случаях незавершённость произведений «Лиодор», «Остров Борнгольм», «Рыцарь нашего времени» можно рассматривать как особенность истории недописанного текста, а в каких случаях можно констатировать в очевидной незавершённости «сознательную авторскую установку, в конечном итоге ведущую к оформлению жанра» [Алпатова 2016: 99].

Вопрос о природе незавершённости текста особенно актуален в связи с творчеством А. С. Пушкина, около восьмидесяти процентов прозаического наследия которого, согласно данным исследования С. А. Фомичева, составляют незаконченные тексты, а отрывочность является закономерным типом пушкинского письма [Фомичев 1993: 94].

Проблема незавершённой прозы А. С. Пушкина длительное время оставалась за пределами внимания пушкинистов, поскольку сама эта проза не была выделена в самостоятельный раздел творчества писателя. Если прозаический отрывок подвергался какому-либо литературоведческому рассмотрению, то чаще всего исследование было связано с изучением истории создания отдельного текста или выяснением причин оставления замысла незаконченным.

Интерес исследователей к незавершённой прозе А. С. Пушкина возрос после выхода в свет в 1855 году двухтомного издания П. В. Анненкова «Материалы к биографии А. С. Пушкина», а также первого критически подготовленного П. В. Анненковым семитомного собрания «Сочинения А. С. Пушкина» (1855–1857), где были опубликованы часть черновиков и незавершённые отрывки. Целиком же планы и незаконченные наброски были объединены в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина в шести томах, вышедшем в свет в 1930 году.

Начиная с этого времени, в литературоведении стала подниматься проблема завершённости/незавершённости прозаических сочинений А. С. Пушкина, неоднозначность разрешения которой очевидна и сегодня. Отсутствие единого взгляда на степень реализации того или иного замысла (начало произведения, фрагмент текста, готовое сочинение) определяет невозможность четкого разделения произведений на завершённые и незавершённые.

Ярким свидетельством неоднозначности вопроса о художественной целостности прозаических отрывков А. С. Пушкина являются факты их публикации. Так, в восьмом томе Большого академического собрания сочинений А. С. Пушкина в 16-ти томах (1937–1949) незавершённые сочинения распределены по двум блокам: «Романы и повести» и «Отрывки и наброски». В первый блок, обозначенный как «Романы и повести», в один ряд с такими текстами как «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Пиковая дама», включены прозаические отрывки «На углу маленькой площади...», «Гости съезжались на дачу...», «Повесть из римской жизни» и «Мария Шонинг». По мнению издателей, в них вполне определился сюжет и характеристика персонажей. Второй блок «Отрывки и наброски», согласно редакторскому пояснению, составляют «<...> художественные замыслы, которые, не являясь в буквальном смысле слова вариантами или ранними редакциями других повестей, в то же время в значительной степени использованы в позднейших произведениях» [Пушкин 1938: 697].

В Полном собрании сочинений А. С. Пушкина в 10-ти томах под редакцией Б. В. Томашевского (1950–1951) сделаны отступления от текста Большого академического собрания сочи-

нений, связанные с появлением новых документальных материалов. В итоге в шестом томе собрания сочинений, носящем название «Художественная проза», в разделе «Отрывки и наброски» незавершённые сочинения представлены четырнадцатью текстами [Пушкин 1950].

В связи с мнениями, высказываемыми по поводу завершённости/незавершённости прозаических отрывков, вполне справедливы слова Н. В. Измайлова, замечаящего, что пушкинские тексты, которые извлечены из черновых рукописей, не являются стабильными, а «могут колебаться от издания к изданию в зависимости от новых чтений и нового понимания этих текстов» [Измайлов 1976: 137].

Принимая во внимание разность прочтений и неоднозначность восприятия незавершённого текста, можно выделить два подхода литературоведов к прозаическим отрывкам А. С. Пушкина. Первый подход связан с восприятием прозаического отрывка как неосуществлённого замысла, недописанного А. С. Пушкиным по каким-либо объективным или субъективным причинам. Это, своего рода, механическая «недописанность» [Абрамовских 2007: 118] (например, «Арап Петра Великого»). Второй подход предполагает рассмотрение незавершённости как сознательной художественной установки автора на открытость структуры.

Исследователи первой группы, опираясь на оценку композиционной неполноты текста, рассматривают прозаические отрывки с точки зрения оставленного в начале написания экспозиционного элемента. Они акцентируют внимание на определении обстоятельств, которые заставляли А. С. Пушкина обрывать повествование в момент сюжетной завязки. Основная гипотеза учёных сводится к тому, что тот или иной замысел оказывался приоритетным для А. С. Пушкина, которого переполняли творческие идеи. Их множественность вынуждала писателя, выбирая один замысел, откладывать другой. Так, например, А. С. Пушкин, не завершив работу над отрывком «Русский Пелам», приступил к написанию исторической повести «Капитанская дочка». Другая версия базируется на идее трансформации в ходе написания авторской концепции произведения.

Отрывки из жизни света «Гости съезжались на дачу...», «На углу маленькой площади...», «Мы проводили вечер на даче...» в основном исследователи затрагивают в связи с проблемой жанра или рассматривают историю создания отдельного текста.

Е. С. Гладкова в статье «Прозаические наброски А. С. Пушкина из жизни “света”» (1941) сделала попытку связать незавершённые произведения А. С. Пушкина, разные по времени написания, в единую систему поисков художественного решения темы «света».

К причинам, которые оказали влияние на незаконченность этих прозаических отрывков, по мнению исследователя, можно отнести препятствия со стороны цензуры. Замысел А. С. Пушкина – изображение безнравственности, развращённости большого «света», разоблачение пустоты – невозможно было бы реализовать. Например, в центр отрывка «На углу маленькой площади...» выведен герой, который, презирая «высший свет», в то же время вынужден считаться с его мнением.

Е. С. Гладкова подчеркивает, что для поэта жанр «светской» повести не давал возможности представить широкую панораму русской жизни, поэтому господствующее место в пушкинской прозе занял исторический роман, который открывал для А. С. Пушкина – писателя и историка – больше перспектив для решения волновавших его социальных проблем [Гладкова 1941: 322]. Незаконченные наброски из жизни аристократического общества были лабораторией пушкинской классической прозы, а по глубине тем, по обрисовке героев, по изображению картин «света» явились новым этапом развития русской реалистической повести.

Исследование Н. Н. Петруниной, автора монографии «Проза А. С. Пушкина» (1987), включает в круг рассмотрения незавершённые произведения А. С. Пушкина конца 1820–1830-х гг., показательные в отношении тенденций, связанных со становлением пушкинского творчества.

Аналитический подход к прозаическим отрывкам из жизни светского общества позволил исследователю определить их специфику. Данные тексты, по мысли Н. Н. Петруниной, отличаются обращением А. С. Пушкина к теме дворянства, а также изо-

бражение «неправильных» героев, которые бросают смелый вызов аристократическому обществу. В отрывке «Гости съезжались на дачу...» – первом подступе к повести «из светской жизни» – порывистость, страстность натуры Зинаиды выдают психологический тип, родственный героине пушкинского стихотворения «Клеопатра» (1828).

Акцентируя внимание на том, что в подавляющем большинстве незавершённые тексты представляют собой экспозицию задуманного произведения, Н. Н. Петрунина выявляет такую закономерность художественной манеры А. С. Пушкина, как остановка работы в тот момент, когда экспозиция начинает перерастать в завязку: «<...> мы не раз встретимся с проявлениями этого свойства <...> Тем больше оснований задуматься о причинах подмеченного явления» [Петрунина 1987: 25]. К объяснению причин отмеченного явления исследователь не обращается.

Незавершённые сочинения А. С. Пушкина, в соответствии с терминологией Н. Н. Петруниной, являются прозаическими «опытами», которые создают впечатление художественного эксперимента, творческой зарисовки с натуры. Такие «опыты» выступают показателями эволюции повествовательной прозы А. С. Пушкина, проходившей этапы смены различных жанров (дневники, заметки, наброски мыслей, короткие записи наблюдений и т. д.).

С. М. Бонди, обращая внимание на то, что в черновых рукописях А. С. Пушкина часто встречаются куски текста, вводит термин «набросок»: «<...> или это первая проба замысла, заведомо неполного, почти конспект, или невышедшее, брошенное начало, или попытка отдельно разработать какой-нибудь небольшой кусок крупного произведения» [Бонди 1931: 162-163]. С точки зрения литературоведа, пушкинский «набросок», имеющий незаконченный характер, можно уподобить эскизу, который позволяет писателю в процессе текущей работы быстро наметить замысел художественного произведения или отдельную его часть, композиционное построение, образы и проч. Впоследствии созданный эскиз должен пройти проверку, и в результате будет либо детально прорабатываться, обретая художественную завершённость, либо так и останется подготовительным материалом.

О неоднозначности восприятия прозаических отрывков А. С. Пушкина свидетельствует работа С. М. Бонди над «Отрывком» («Не смотря на великие преимущества стихотворцев...»). Данный текст считался черновиком к «Египетским ночам» и вместе со всем произведением датировался 1835 годом. Однако, как замечает С. М. Бонди, после выяснения факта, что это беловой текст, который не может выступать частью черновой работы над повестью «Египетские ночи», пришлось внимательно пересмотреть датировку отрывка и оказалось, что это произведение написано в 1830 году. В результате отрывок был включён в серию высказываний А. С. Пушкина публицистического характера, относящихся к 1830 году.

Л. С. Сидяков в результате детального анализа поэтических отрывков А. С. Пушкина пришёл к выводу о характерном для поздней лирики авторском приёме – внешней незавершённости текста, которая указывает на глубину конфликта и предполагает невозможность однозначного решения проблемы. Исследователь не проецирует данную закономерность на незавершённые сочинения в прозе, а лишь выявляет причины оставления замыслов. Так, некоторые из прозаических набросков, по мысли учёного, могли носить экспериментальный характер, и поэтому А. С. Пушкин не предполагал их закончить. По другой версии, поэт переполнял замыслы, которые он не успевал проработать, а выбирал наиболее значимые [Сидяков 1973: 46].

В фундаментальном труде «Возникновение романа-эпопеи» (1975) А. В. Чичерин в числе иных художественных опытов А. С. Пушкина рассматривает прозаические отрывки в ракурсе их влияния на становление большой эпической формы реалистического романа. Исследователь обозначает незаконченные сочинения как «проекты», подразумевая под этим термином предварительный план работы, раскрывающий лишь сущность сюжета. Обращаясь к отрывкам «Гости съезжались на дачу...» и «Мы проводили вечер на даче...», А. В. Чичерин отмечает, что композиционно данные тексты только начаты, они подобны экспозиции. Также исследователь приходит к выводу о том, что в отрывках о жизни аристократического общества, несмотря на их незаконченность, тщательно продуман и оформлен образ главной героини [Чичерин 1975: 69].

В монографии «Очерки творчества А. С. Пушкина» (1976) Н. В. Измайлов обращает внимание на явную оборванность двух отрывков. А. С. Пушкин оставил отрывок «Мы проводили вечер на даче...» неоконченным, а потом оставил и идею, подавшую повод к его сочинению. По поводу начальных отрывков повести «Цезарь путешествовал», которые бессвязны и разбросаны по разным листкам, Н. В. Измайлов замечает, что А. С. Пушкин набросал только первую половину замысла, но и эта часть предстаёт в таком «необделанном и отрывочном виде, что едва сохранена в ней необходимая связь рассказа» [Измайлов 1976: 45].

К влиянию на незаконченность произведений о светской жизни цензурных условий подводит Л. И. Вольперт, которую интересует вопрос литературного генезиса отрывка, как первого подступа в русской прозе 1820–1830-х гг., к разработке темы супружеской неверности. Мотив измены, который был в России под запретом, манит А. С. Пушкина и возникает уже в незаконченном романе «Арап Петра Великого». Поэт, публикуя «идеальный» вариант решения проблемы любовного «треугольника» в последних главах Евгения Онегина («верная жена» – Татьяна, которая следует этическим нормам, определяющим поведение светской женщины), одновременно разрабатывал в отрывках «Мы проводили вечер на даче...», «На углу маленькой площади...» нетрадиционную для русской светской прозы развязку [Вольперт 2010: 334]. Однако при жизни эти отрывки А. С. Пушкин не стремился отдавать в печать.

Вторая группа ученых, которая опирается на интерпретацию незавершённости как особого способа восприятия и изображения А. С. Пушкиным окружающей действительности, предпринимает попытки эксплицирования специфики художественной целостности и совершенства формы «отрывка».

О проблеме завершённости некоторых сочинений А. С. Пушкина одним из первых заговорил Ф. М. Достоевский, отметивший в статье «Ответ “Русскому Вестнику”» (1861) неверность суждений журнала относительно незаконченности повести «Египетские ночи»: в «Русском Вестнике» (1861, № 3) текст о Клеопатре был назван «фрагментом» без внутреннего смысла, легким намёком, в котором многое не раскрывается и ос-

таётся непонятным. Писатель обнаруживает в «Египетских ночах» полноту и пишет о нём как о «самом полном, самом законченном произведении нашей поэзии!» [Достоевский 1987: 126]. По мысли Ф. М. Достоевского, дополнить текст или завершить невозможно, поскольку в итоге получилось бы совершенно другое произведение. Задача А. С. Пушкина состояла в том, чтобы представить именно один момент из римской жизни, передать в нескольких образах дух и смысл этого момента. Целостная картина предугадывается, по заключению Ф. М. Достоевского, в «Египетских ночах» А. С. Пушкин достиг художественной полноты, и текст производит на читателя необходимое впечатление [Достоевский 1987: 127].

Ещё одно раннее суждение о присущей некоторым незавершённым сочинениям смысловой насыщенности и гармонии, которая воспринимается реципиентом на интуитивном уровне, принадлежит Н. Н. Страхову. В статье 1888 года о «Повести из римской жизни» критик рассуждает о том, что довольно трудно проанализировать внешние приёмы, с помощью которых создано это «чудо искусства». Можно отметить едва заметные латинские обороты, точные слова, плавность течения повествования. Однако ценность и притягательность данного отрывка, согласно Н. Н. Страхову, состоит во внутреннем строе речи, в котором до высочайшей степени доведены ясность и краткость: «Как прост и естественен рассказ, а между тем рассказано очень много; ни одно слово не пропало даром, и они так расположены, что картина как будто разворачивается сама собою» [Страхов 1984: 148].

В эссе «Пушкинские осколочки» А. В. Амфитеатрова (1937), построенном в форме беседы двух любителей русской литературы, утверждается мысль о том, что незаконченность многих пушкинских прозаических произведений, которые были прерваны смертью автора либо другими объективными причинами, мнимая. У А. С. Пушкина нет незаконченности: «В его словесной живописи каждый мазок, в его скульптуре каждый удар резца и молота – уже цельность» [Амфитеатров 1937: 2]. А. В. Амфитеатров говорит об отрывках как об «осколочках», как о рассыпанной мозаике, в которой каждый кусочек сам по себе является высоко-

художественной цельностью. А. С. Пушкин доводит текст до гармоничного слияния идей и образов, единство которых создает при чтении впечатление красоты.

А. В. Амфитеатров приходит к выводу, что если тексты до нас дошли, то, значит, они были выношены писателем до полной законченности. Например, отрывок в двадцать-тридцать строк «Цезарь путешествовал...» является началом огромной исторической программы, но его нельзя считать неоконченным: «Античный мир уже глядит из него во все глаза <...> Если это неоконченность, то разве – неоконченность Ватиканского торса, который Микель Анджело считал самым совершенным достижением скульптуры» [Амфитеатров 1937: 2]. В сравнении А. В. Амфитеатрова, как Бельведерский торс, который представляет собой фрагмент статуи без головы, рук, ног и верхней части груди, – это не исковерканный камень, но совершенная древняя скульптура сидящего на скале героя, в очертаниях тела которого явлена сила победителя, так и отрывок о судьбе Петрония выступает самодостаточным художественным произведением.

Утверждение Н. Н. Страхова о том, что в «Повести из римской жизни» ни одно слово не пропало даром, находит параллель с мыслями А. А. Ахматовой в заметке «Две новые повести А. С. Пушкина» (1959). Ахматова приходит к выводу о функциональной значимости в отрывках «Мы проводили вечер на даче...» и «Повесть из римской жизни» каждого элемента, благодаря которым тексты обретают имплицитную законченность. А. А. Ахматова не соглашается с тем фактом, что отрывок «Мы проводили вечер на даче...» принято считать не то черновиком, не то обрывком, поскольку это совершенно законченное произведение с поразительно сложной композицией, в котором нашли отражение глубоко волновавшие А. С. Пушкина мысли. А. А. Ахматова сравнивает отрывок с маленькими трагедиями, но только в прозе [Ахматова 1989: 205].

А. Терц выдвинул принципиально новую теорию понимания природы отрывков в монографии «Прогулки с Пушкиным» (1972). А. Терц приходит к выводу о том, что А. С. Пушкин мыслит отрывками, в которых, несмотря на оборванность, нахо-

дятся в гармонии все необходимые элементы: «Его творенья напоминают собрания антиков: все больше торсы да бюсты, этот без головы, та без носа. Но, странное дело, утраты не портят их, а, кажется, придают настоящую законченность образу и смотрятся необходимым штрихом» [Герц 1993: 61]. По заключению исследователя, отрывочность – это черта стиля А. С. Пушкина.

Анализируя соотношение в творчестве А. С. Пушкина поэзии и прозы, Э. В. Слина в статье «Повесть “Цезарь путешествовал...”» (1986) замечает, что, несмотря на незаконченность повести, о ней следует говорить как об особом художественном явлении, связанном с завершённостью отдельных частей [Слина 1986: 5]. Проведенный ею анализ доказывает, что отрывок целен внутренним содержанием, в котором переплетение эпоса и лирики создает философскую глубину размышлений.

И. Л. Фейнберг в статье «О подлинных и мнимых автобиографических набросках» (1979) в ходе детального анализа «Отрывка» («Не смотря на великие преимущества стихотворцев...») настаивает на том, что внешне незаконченный текст может рассматриваться в качестве самостоятельного этюда, который А. С. Пушкин намеревался в таком виде напечатать [Фейнберг 1976: 296]. По мнению И. Л. Фейнберга, данный отрывок – это не начало повести, он представляет собой автобиографический замысел небольшого объёма, посвящённый занимавшему А. С. Пушкина вопросу о положении поэта в окружающем его обществе.

Несколько позднее Я. Л. Левкович, определяя состав автобиографической прозы А. С. Пушкина, обращается к отрывку «Участь моя решена. Я женюсь...», в котором нашли отражение переживания А. С. Пушкина накануне женитьбы. Исследователь предлагает рассматривать отрывок как беллетристический этюд, передающий состояние человека в переломный момент жизни, т. е. как образец психологической прозы А. С. Пушкина [Левкович 1988: 54]. Как этюд о ситуации из жизни, отрывок завершён.

В исследовательской работе С. А. Фомичева «Незавершенные произведения А. С. Пушкина как издательская проблема» (1993) предлагается интересный подход к интерпретации незавершённых прозаических текстов А. С. Пушкина. С. А. Фомичев считает, что «отрывок» не означает незавершённость, отсутст-

вие логической законченности. Незаконченный текст А. С. Пушкина указывает на различные, а порой и противоположные, пути интерпретации. «Квази-незавершенность» стала выразительной приметой пушкинского творчества [Фомичев 1993: 94], которая требует теоретического осмысления. С. А. Фомичев говорит о том, что незавершённая как универсальный приём творчества А. С. Пушкина нашла отражение в жанре «отрывка», который распространился на лирику, драматургию, критику, публицистику и художественную прозу. Однако если в лирике жанр отрывка стал одним из устоявшихся и любимых, то в прозе он больше выглядит как лабораторное занятие, опыт по освоению нового.

Мысль С. А. Фомичева о своеобразной пробе пера находит параллель в рассуждениях Н. Н. Петруниной, которая утверждает, что в творчестве А. С. Пушкина-прозаика эксперимент следует за экспериментом. Писатель был переполнен творческими идеями, сюжетами, однако воплощение получили немногие.

По мысли С. А. Фомичева, ни один из прозаических отрывков, в которых наблюдается художественная законченность, при жизни поэта не был издан, поскольку А. С. Пушкин терял к подобного рода эскизам интерес или опасался цензурных преград. Чаще всего черновой текст оставался неперебелённым и получал статус художественного эксперимента. В качестве доказательства С. А. Фомичев обращается к отрывкам о Клеопатре: они не закончены, но в них есть логика завершённого, поскольку А. С. Пушкина интересовал исключительно смелый вызов Клеопатры и отклик на него мужчин.

Следует сказать, что С. А. Фомичев подробно не разрабатывает свою концепцию, а в основном занимается исследованием актуальной для своего времени проблемы публикации не доведённых до конца произведений, суть которой заключается в том, что тексты варьируются от издания к изданию.

Учёный настаивает на необходимости чёткого разграничения в А. С. Пушкинских изданиях черновых (первоначальных) и беловых (вторичных) автографов. Кроме того, С. А. Фомичев предлагает при публикации выделять особый раздел текстов «Незаконченное»; воспроизводить не до конца прописанные

строки, которые зачастую издатели редуцируют для создания «стройности целого»; публиковать не в примечаниях, а сразу после текста сохранившиеся планы, помогающие прояснить замысел А. С. Пушкина [Фомичев 1993: 166].

Проведённый обзор литературоведческой рецепции прозаических отрывков А. С. Пушкина показал, что вопрос разграничения отрывков на завершённые и незавершённые остаётся дискуссионным по причине отсутствия единого взгляда на степень реализации замысла (начало, фрагмент текста, готовое сочинение).

Пристальное внимание одной группы исследователей обращено к структуре пушкинского текста, к процессу его создания. На основании того, что в отрывке отсутствует обязательный элемент композиции – финал, – исследователи делают вывод о незаконченности работы. В результате они видят в отрывках «опыты», «наброски», иллюстрирующие процесс творческих исканий Пушкина-прозаика, и выясняют причины, заставившие прерывать написание произведений. Текст мог быть отложен, например, в связи с возникновением более приоритетного замысла или в связи с эволюцией мировоззрения. Так, отдельные элементы «Романа на Кавказских водах» перешли в разной форме в другие прозаические произведения. Роман «Дубровский» отразил авантюрную атмосферу «кавказского романа», романтический образ главного героя. Часть сюжета романа «Капитанская дочка» составило соперничество двух действующих лиц, один из которых соответствует Якубовичу, другой – Граневу, а также похищение и спасение молодой девушки.

Для другой части исследователей приоритетным становится рассмотрение содержания незаконченных текстов А. С. Пушкина. В отрывке они видят законченную вещь, и в пушкинской «недописанности» находят авторскую установку, которая, как нам кажется, обнаруживает некоторое сходство с фрагментами писателей-романтиков, поскольку формирование пушкинского отрывка, подобно любому эстетическому явлению, происходило в определённой степени во взаимодействии с общими тенденциями современных писателю течений и в русском, и в европейском искусстве. Отрывок не завершён сознательно, фрагментарная форма отвечает принципам художественного мышления

А. С. Пушкина, мировоззрение которого базируется на специфическом представлении о неисчерпаемости жизни, бесконечно текущей, изменчивой. Гармонию выбранной формы и содержания подтверждает, например, то, что отрывок внутренне целостен, самодостаточен и производит на читателя необходимое впечатление. А. С. Пушкин достигает художественной полноты, смысловой насыщенности произведения, отражая в тексте волнующие его мысли и идеи. В итоге, можно говорить о том, что, согласно творческой концепции А. С. Пушкина, незавершённость, отсутствие развязки – это художественная ценность.

Сделанное исследователями требует дальнейшей разработки не только для уяснения специфики художественного мира А. С. Пушкина, но и для осознания его роли в русском литературном процессе, для осмысления причины интереса к творчеству писателя на протяжении двух столетий. Таким образом, несмотря на достаточно широкий и представительный круг исследований, посвящённых различным аспектам незавершённой прозы А. С. Пушкина, ни в одном из них не представлен её целостный анализ.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамовских Е. В. Дефиниция понятий незаконченного и незавершённого произведения // Новый филологический вестник. 2007. № 2. С. 115-123.

Алтамова Т. А. Генезис и жанровая специфика отрывков в прозе Н. М. Карамзина // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 99-106.

Амфитеатров А. В. Пушкинские осколки // Сегодня. 1937. 8 февраля. С. 2-15.

Ахматова А. А. О Пушкине. М. : Книга, 1989. 367 с.

Бонди С. М. К истории создания «Египетских ночей» // Новые страницы А. С. Пушкина : стихи, проза, письма. М. : Мир, 1931. С. 148-205.

Вольперт Л. И. Одна из запретных тем (Мотив супружеской неверности в прозе Жака Ансело, Пушкина и Стендаля) // Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010. Интернет-публикация. С. 334-345.

Гладкова Е. С. Прозаические наброски А. С. Пушкина из жизни «света» // Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 6. С. 305-322.

Дарвин М. Н. Фрагмент // Введение в литературоведение / ред.-сост.: Л. В. Чернец, В. Е. Хализев и др. М. : Издательский центр «Академия», 2012. 720 с.

Достоевский Ф. М. Ответ «Русскому вестнику» // Достоевский Ф. М. О русской литературе. М. : Современник, 1987. С. 126-131.

Измайлов Н. В. Очерки творчества А. С. Пушкина. Л. : Наука, 1976. 340 с.

Кормилов С. И. Сюжет и фабула // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак», 2001. С. 1048-1050.

Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма А. С. Пушкина. Л. : Наука : Ленингр. отд., 1988. 327 с.

Махов Е. А. Фрагмент // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак», 2001. С. 1152-1153.

Петрунина Н. Н. Проза А. С. Пушкина. Л. : Наука, 1987. 340 с.

Пушкин А. С. Художественная проза // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 6. 820 с.

Пушкин А. С. Романы и повести ; Путешествия // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. Т. VIII. полумом I. 496 с.

Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига : [б. и.], 1973. 218 с.

Слинина Э. В. Повесть А. С. Пушкина «Цезарь путешествовал...» (соотношение поэзии и прозы) // Проблемы современного пушкиноведения. Л. : ЛГПИ им. А. М. Герцена, 1986. С. 5-12.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М. : Современник, 1984. 431 с.

Терц А. Прогулки с А. С. Пушкиным. М. : Глобулус ; ЭНАС, 1993.

Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. М. : Советский писатель, 1976. 264 с.

Фомичев С. А. Незавершенные произведения А. С. Пушкина как издательская проблема // Незавершенные произведения А. С. Пушкина : материалы научной конференции. М. : Гос. музей А. С. Пушкина, 1993. С. 91-103.

Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. М. : Советский писатель, 1975. 376 с.

REFERENCES

Abramovskikh E. V. Definitiya ponyatiy nezakonchennogo i nezavershennogo proizvedeniya // Novyy filologicheskyy vestnik. 2007. № 2. S. 115-123.

Alpatova T. A. Genesis i zhanrovaya spetsifika otryvkov v proze N. M. Karamzina // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2016. № 1. S. 99-106.

Amfiteatrov A. V. Pushkinskie oskolochki // Segodnya. 1937. 8 fevralya. S. 2-15.

Akhmatova A. A. O Pushkine. M. : Kniga, 1989. 367 s.

Bondi S. M. K istorii sozdaniya «Egipetskikh nochey» // Novye stranitsy A. S. Pushkina : stikhi, proza, pis'ma. M. : Mir, 1931. S. 148-205.

Vol'pert L. I. Odnazapretnykh tem (Motiv supruzheskoy nevernosti v proze Zhaka Anselo, Pushkina i Stendalya) // Vol'pert L. I. Pushkinskaya Frantsiya. Tartu, 2010. Internet-publikatsiya. S. 334-345.

Gladkova E. S. Prozaicheskie nabroski A. S. Pushkina iz zhizni «sveta» // Vremennik Pushkinskoy komissii. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1941. T. 6. S. 305-322.

Darvin M. N. Fragment // Vvedenie v literaturovedenie / red.-sost.: L. V. Chernets, V. E. Khalizev i dr. M. : Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2012. 720 s.

Dostoevskiy F. M. Otvet «Russkomu vestniku» // Dostoevskiy F. M. O russkoy literature. M. : Sovremennik, 1987. S. 126-131.

Izmaylov N. V. Ocherki tvorchestva A. S. Pushkina. L. : Nauka, 1976. 340 s.

Kormilov S. I. Syuzhet i fabula // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy / pod red. A. N. Nikol'yukina. M. : NPK «Intelvak», 2001. S. 1048-1050.

Levkovich Ya. L. Avtobiograficheskaya proza i pis'ma A. S. Pushkina. L. : Nauka : Leningr. otd., 1988. 327 s.

Makhov E. A. Fragment // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy / pod red. A. N. Nikol'yukina. M. : NPK «Intelvak», 2001. S. 1152-1153.

Petrunina N. N. Proza A. S. Pushkina. L. : Nauka, 1987. 340 s.

Pushkin A. S. Khudozhestvennaya proza // Pushkin A. S. Sobranie sochineniy : v 10 t. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. T. 6. 820 s.

Pushkin A. S. Romany i povesti ; Puteshestviya // Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy : v 16 t. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1938. T. VIII. polutom I. 496 s.

Sidyakov L. S. Khudozhestvennaya proza A. S. Pushkina. Riga : [b. i.], 1973. 218 s.

Slinina E. V. Povest' A. S. Pushkina «Tsezar' puteshestvoval...» (sootnoshenie poezii i prozy) // Problemy sovremennogo pushkinovedeniya. L. : LGPI im. A. M. Gertsena, 1986. S. 5-12.

Strakhov N. N. Literaturnaya kritika. M. : Sovremennik, 1984. 431 s.

Terts A. Progulki s A. S. Pushkinym. M. : Globulus ; ENAS, 1993.

Feynberg I. L. Chitaya tetrad Pushkina. M. : Sovetskiy pisatel', 1976. 264 s.

Fomichev S. A. Nezavershennye proizvedeniya A. S. Pushkina kak izdatel'skaya problema // Nezavershennye proizvedeniya A. S. Pushkina : materialy nauchnoy konferentsii. M. : Gos. muzey A. S. Pushkina, 1993. S. 91-103.

Chicherin A. V. Vozniknovenie romana-epopei. M. : Sovetskiy pisatel', 1975. 376 s.